

Юлия
Лавряшина

Защитник

За чужими окнами

Юлия Лавряшина

Защитник

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Защитник / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2019 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-04-104282-0

Саша Борисов, красавец, душа компании, талантлив и в спорте, и в математике. Мама видит в нем будущего великого футболиста, а отец хочет, чтобы сын развивал математические способности. Но вот Саша знакомится с девушкой из богемы, жестокой, эгоистичной Тиной, и жизнь его принимает совершенно иной оборот.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104282-0

© Лавряшина Ю. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Юлия Лавряшина

Защитник

© Лавряшина Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Повернув на липовую аллею, заключенную в ажурные рамки кованой ограды, Илья возразил, забавно сморщив круглое лицо, похожее на мордочку енота:

– Конечно, ты – уникам в своем роде, даже не думай спорить. Математик-футболист. Такого же еще не было в истории футбола? А в истории математики? Ты – вундеркинд, Сашка!

– Я тебя умоляю! Во-первых, я не «вундер». И уж точно не «кинд». Мне двадцать один. Для большого спорта это многовато... Я понимаю, что не стану звездой большого футбола.

– Почему это? Были футболисты и постарше. Или нет?

– Были, – согласился Саша. – И есть. Некоторым уже по сорок! Юсси Яаскелайнен – финский голкипер. Или хоть Зе Роберто, который за «Палмейрас» играет. Нашему Роману Березовскому... Но мне такое точно не светит.

– Почему это? Ты совсем не веришь в себя?

– Ты будешь смеяться... Но мне слишком повезло с отцом. Или не повезло, это уж как рассудить...

На переплетениях ограды, вдоль которой они шли, недавно появились первые разноцветные замочки влюбленных. Обычно ими украшали перила мостов, но поблизости не было реки, а желание поведать всему миру о взаимной любви было. Саша не сомневался: к моменту получения диплома те, чьи имена плюсовались на металле, уже забудут и об этих маленьких замках, и друг о друге... Но это время еще не пришло.

То и дело их торопливо обгоняли другие студенты, но Илья Ласкин не волновался: его друг умел рассчитать время до секунды – за три года они не опоздали ни разу.

– А отец тут при чем?

От Сашкиной улыбки даже случайные девушки распрямляли спины. Только Борисов не замечал этого. В душе Ильи не саднило – он и сам восхищался другом. До того как оба поступили на математический факультет, Илья был уверен, что таких людей, как Саша Борисов, просто не существует в природе. Одни глаза чего стоят... Вроде серые, но бесцветными не назовешь. А взгляд такой – в первый раз даже парни слегка обмирают, встретив его...

Правда, если б Саша Борисов был просто красивым парнем, подумаешь! Невелика заслуга... А вот как все существующие добродетели могли достаться одному человеку? Он же талантлив, как Лобачевский! И прочел, кажется, все на свете... Главное – помнит! Любой кроссворд, любая телевикторина для Сашки плевое дело.

А еще важнее, что он добрый... Сильный, добрый великан. По крайней мере, рядом с ним – великан... Ну, разве существуют такие на самом деле? Вон хоть вчера залез на перила балкона с миской в руках, чтобы напоить соседского пса, которого на весь день заперли на лоджии. Лабрадор догадался высунуть здоровую башку в маленькое окошко и дышал так, что Сашка, занимавшийся в комнате, услышал и полез спасать его от обезвоживания. Илья чуть не обмочился, когда увидел, как его друг балансирует на перилах и тянется куда-то наверх, откуда разлетаются непонятные брызги.

– Не мог меня позвать? – напустился на него Илья, когда Сашка спрыгнул на балкон.

Тот виновато улыбнулся:

– Не хотел мешать. Да ничего же не случилось! Чего ты...

Потом озабоченно пробормотал:

– Надо наведаться к этому уроду. Запер собаку на жаре на целый день!

И можно было не сомневаться, что он наведается...

К животным Саша относился как к детям. Этой зимой, когда они возвращались с лекций вдоль берега Москвы-реки, он заметил, что прямо на льду под снегом что-то шевелится. Да у него, черт, и зрение – двести процентов! Оказывается, бывает такое...

Ничего не сказав, Сашка перемахнул через парапет и скатился с набережной быстрее, чем Илья успел опомниться.

– Ты что?! Куда? – заорал он, свесившись через перила. – Лед же еще тонкий! Провалишься...

Его никто не слышал, Илья понял это и замолчал, пытаясь разглядеть – кто там под снегом? Для ребенка маловат. Щенок? Кошка? Схватив большую палку, которых по берегу валялась немало, Сашка взял ее, точно канатоходец, и скользнул по льду.

Илья перестал дышать: сейчас, вот сейчас раздастся хруст... Что тогда делать? Бросаться на помощь? Но разве он вытянет такого громилу? Еще и сам уйдет под лед... А если не попытаться помочь, как потом смотреть Сашке в глаза, если он выберется сам? Страшнее всего, конечно, если не сможет...

Им обоим повезло: лед выдержал, и через несколько минут Сашка вернулся на берег, неся за пазухой двух котят, точно примерзших друг к другу – оттого и казалось, что под снегом шевелится что-то крупное.

Илья перевел дух, только когда друг оказался рядом. С такими длинными ногами ничего не стоило перешагнуть через парапет...

– Смотри, какие лапуси, – проворковал Саша, отгибая полу куртки. – Что за сволочь их там бросила?!

Обычные полосатые котята испуганно таращили серые глазки и еле слышно мяукали.

– Просто ми-ми-ми, – Илья выдавил усмешку. – И что ты теперь будешь с ними делать?

Спрашивать, стоило ли ради этой блохастой мелочи рисковать жизнью, он не стал – Сашка послал бы его подальше... А котят пристроил за четверть часа: вернулся к университету и всучил малышей знакомым девушкам. Кто смог бы ему отказать?!

Илья долго присматривался к Саше Борисову: неужели он и вправду такой? Не играет, не прикидывается? Так и живет? И даже не отдает себе отчета...

Саша сам предложил с ним в складчину снять однушку. До сих пор Илья не понимал, почему тот из всей группы выбрал именно его. Были и другие иногородние... Но на всякий случай не спрашивал: мало ли что можно услышать в ответ?

– Мой отец не алкоголик, вот в чем дело, – пояснил Саша, продолжая обычный для них разговор о футболе – его главной страсти. – У Криштиану Роналду и у Зубастика Роналдо, у Златана Ибрагимовича, который меня бесит, если честно, отцы пили по-черному! Потому они бежали от этой заразы в футбол. Криш, говорят, даже шампанское на дух не переносит... Да на самом деле полно таких несчастных пацанов в спорте!

С наслаждением вспомнив про пакеты с продуктами, больше похожие на мешки Деда Мороза, Илья протянул:

– У тебя отличные родители...

– В том-то и дело! – подхватил Саша. – У меня было счастливое детство. Скажи кому, что это не так уж и хорошо... Черт! Мне ведь никогда не приходилось выживать, как этим ребятам.

– Да брось! Ты, Сашка, тоже не из «золотых» мальчиков. Подрабатываешь вечерами.

– Это да. Но настоящий голод, трущобы, драка за корку хлеба...

– Стоп. Ты же математик. Сколько в процентном отношении таких пацанов из трущоб добралось до вершины? Роналду и Ибрагимович. Остальные спились или сели на полжизни. Согласен?

Саша подкинул спортивную сумку, висевшую на плече:

– С этим трудно поспорить. И не все великие, конечно, карабкались из самых низов...

– Ну вот! А счастливое детство – оно ведь останется с тобой, кем бы ты ни стал. – Илья машинально оглянулся вслед светловолосой девушке – единственной, попавшейся навстречу.

Конечно, она не заметила его. Когда рядом был Сашка Борисов, другие переставали существовать. А уж он-то... Весь рост в нос ушел – безжалостно отмечала его бабушка, которая всю жизнь злилась на сбежавшего от нее деда, точной копией которого уродился Илья.

Не обратив на это внимания, Саша пробормотал:

– Это смотря что считать счастливым детством... Когда тебе прилетает мячом по башке – это счастье? Твердым таким кожаным мячиком, который парень из команды-соперника – а может, даже из твоей собственной! – запулил со скоростью двести километров в час. Что значит, не бывает такого? К твоему сведению, рекорд скорости полета мяча после удара аж двести десять! Лукас Подольски запулил в 2010-м... Да-да, немецкий нападающий. Он с двух лет в Германии рос, какой он поляк! А до этого рекорд Роберто Карлоса держался, но там на двенадцать единиц меньше вышло... Хотя, верно, Карлос поинтереснее бьет этим своим коронным приемчиком – щетиной¹. Не угадаешь, куда прилетит... Черт, я пробовал одно время! Не то чтобы подражал ему, но хотел научиться. Не пошло. Карлос в этом просто уникален. Но факт есть факт: Подольски его рекорд скорости побил.

– Ну и к чему ты все это? То есть ты от игры не кайфуешь?

Саша остановился у самых ступеней университета:

– Я?! Илюха, да ты с ума сошел! Я обожаю футбол.

– Больше, чем математику?

– А вот это уже некорректный вопрос, – отрезал Саша и быстро взбежал наверх.

Илья крикнул ему в спину:

– Ладно, не отвечай.

Но когда добрался до верхней ступени, едва не ткнулся головой в поджидавшего его друга.

– Нет, я отвечу! – сказал Саша так серьезно, что Илье отчего-то стало не по себе. – Знаешь, что я для себя решил? Математика – это мой мозг, а футбол – душа. И то и другое – это я, верно? Так я и живу с семи лет.

* * *

Бежать.

Это было не желание, а необходимость. Валерка толкал в спину кулаком:

– Давай шустрой! Чего под ногами путаешься? Набрали мелкоту...

Валерке уже двенадцать, Сашке – семь. Достаточно, чтобы приказать себе: «Бежать!»

И он добежит, как бы громко ни стучало в ушах и в затылке. Сердце бешено колотилось, горло пересохло. Но, оказывается, можно мчаться к финишу и так, лишь бы ноги не отказали.

Сашка знал, что добежит. Так надо. Слово тяжелое, как молот, того и гляди расплющит. Надо. Надо.

А желание было совсем другим: упасть плашмя в траву, стелющуюся вдоль тропинки, цепляясь за ее длинные пряди, подползти к ручью, голос которого доносился из-за густого малинника, и пить, пить, пока губы не онемеют от холода. Зубы у него крепкие, не заноят, и горло не подведет.

¹ Щетина – внешняя сторона стопы (футбольный сленг).

Зимой во время тренировок Саша на ходу закидывал в рот пригоршню снега, благо в Сибири за ним и наклоняться не надо – сугробы в рост мальчишек. Ничего, без ангины переживал с ноября по апрель.

Сейчас же, летом, такое пекло, что черные мушки перед глазами снуют. Хотя тренер гоняет их только по утрам, не на износ.

– Гонка для девочек, – объявляет он, включив секундомер.

Для виду, конечно, не соревнования же... Но Саша Борисов не умел что-то делать вполсилы. На каждой тренировке выкладывался так, будто это был финальный матч на чемпионате мира. Может, старшие этого и не замечали – шпана же... Но тренер уже не раз удивленно приподнимал бровь, похожую на колос, из которого торчат длинные светлые волоски. Они были колючими даже на вид, и Сашка ни за что не согласился бы потрогать. Фу!

Тренер ловил его взгляд:

– Чего встал, чемпион? Работай!

Перед сном, массируя ему гудящие ноги, мама шептала, наклоняясь так низко, что ее длинные волосы щекотали Сашкины плечи, не прикрытые майкой (пижамы он терпеть не мог!):

– Твой чемпионат впереди. Все будет. Все. Вот увидишь... Ты станешь, как наш кеме-ровчанин – Виталий Раздаев. Лучший бомбардир первой лиги. Не высшей, конечно, но, знаешь, каждый возделывает свой сад... Зато в первой лиге никто его так и не превзошел! А ты сможешь. Ты ведь мужчина, правда? Просто еще маленький...

Сашка кивал в темноте, зная, что мама увидит. Конечно, он – мужчина. Стонал про себя: «Больно, мам... Ножки больно!» Вслух не произносил, она сама замечала, как сын начинает ковылять к вечеру, морщится и норовит схватиться за стену. И весело предлагала:

– Сашка, мне надо пальцы размять. Можно я тебя помассирую?

Так сын будто шел ей навстречу, не чувствовал себя хлюпиком. Мама еще будет им гордиться!

Мальчик закрывал глаза и вслушивался в шум стадиона, скандировавшего: «Бо-ри-сов!» Отец ведь тоже хочет, чтобы он прославил их фамилию, только они представляют это по-разному. Но ведь он тоже будет рад услышать, как сотни людей кричат... Раздаев? Сашка открыл глаза. При чем тут Раздаев?!

– Я тебе рассказывала, что мы жили с Раздаевым в одном доме? В соседних подъездах, да... Красивый у нас был дом. Мы играли во дворе, а он проходил мимо. Он уже не играл тогда, не знаю, откуда возвращался. Но все знали, что он – звезда! Мы все так и замирали, когда видели его... А он улыбался нам. Знаешь, кого он мне всегда напоминал? Гагарина!

Только маме мальчик мог молча доверить свою боль, ведь она работала врачом. Правда, ветеринаром, но все-таки с ней не стыдно поделиться. Остальным даже знать было не положено. В спортивной школе у них был массажист, но Сашка стеснялся обратиться к нему. Вот еще! Чужой дядька будет разминать его икры? Отец и то никогда этого не делал. Его руки всегда были заняты карандашом. Антон Вадимович заполнял цифрами белые листы бумаги. А иногда и Сашке подкидывал задачку... Радовался, что сын щелкал их на лету – в уме считал быстрее, чем писал. Руки были не такими ловкими, как мозг.

Отец отказывался понять: зачем развивать ноги, когда у ребенка такая голова?! Но жена не слышала его...

– Талант – это солнечный зайчик, – твердила Светлана Александровна. – Сегодня он согревает Сашкину голову, а потом перебегает в ноги. И обратно. Главное, чтоб он жил.

Массируя скованные болью мышцы сына, лежащего на диване, покрытом старым, выцветшим пледом, в узорах которого прятались диковинные звери, мама приговаривала:

– Крепатура – это не страшно. Молочная кислота даже вредные микроорганизмы в крови уничтожает. Не забывай хорошенько разминаться перед усиленной тренировкой. Нагрузки должны быть равномерными. Зарядка – каждый день. Где гантели, которые я тебе купила?

Гантели были на месте, возле батареи, Сашка про них не забывал. И по утрам старательно приседал и тянулся.

– Длинненький стал, – шептала Светлана, из окна провожая взглядом сына, бежавшего в школу, находившуюся в соседнем дворе – очень удобно!

Впрочем, если б даже Сашке приходилось ходить за километр, она была бы спокойна за него. Ее красивый сероглазый мальчик никому не давал себя в обиду. И никого не обижал сам, это даже на родительских собраниях отмечали. Его сила была доброй, и Сашка дорожил ею. Было достаточно того, что все знали: если Борисов пнет своей накачанной ногой (хоть левой, хоть правой!), неделю не присядешь!

Но порой и ему было больно, особенно после растяжений, когда мама со знанием дела накладывала ему на ноги компрессы. Или если мышцы забивались.

...Вот и сейчас, они стали совсем каменными, и шевелить тяжелыми ногами было все труднее. Они подкашивались и заплетались. А похожие на резные веера папоротники покачивались вдоль тропинки, приглашая нырнуть в пятнистую прохладу. Забиться бы туда, спрятаться ото всех и... уснуть...

* * *

Саша открыл глаза.

Потолок темнел над ним, значит, не проспал, солнце еще не встало. Полежать позволил себе лишь несколько секунд, словно прозрачную паутину, снимал тонкие нити сна. Почему детство снится так часто? И всегда тренировки, как будто ничего другого и не было...

А ведь учился в хорошем лицее, где жизнь была разной, только не скучной. Но не снятся же одноклассники... Даже одноклассницы, хотя без памяти был влюблен в одну девочку с черными косичками и с именем из старой песни – Даша...

Очень правильная Даша, приземленная. Умница, вместе с ним на выпускном получившая золотую медаль. Даже учителя возбужденно шептались, поглядывая на них, стоявших рядом.

– Ну, Саша Борисов – вылитый Ален Делон.

– Да что вы! Гораздо красивее. А плечи какие...

– Жаль, стрижется слишком коротко... У него же роскошные черные кудри!

– Это все футбол. Надеюсь, хоть теперь он его бросит! Говорят, в московские вузы расслал документы.

– А Даша?

– А что Даша? Ну, куда ей до такого красавца? Хотя способная девочка, что уж говорить...

– Думаете, она влюблена в него?

Он мог поклясться, что у Даши стерильный мозг, ей в голову не приходили обычные человеческие мысли. А ему приходили – еще какие! В те годы черноглазая девочка снилась Саше каждую ночь и в его снах была далеко не столь правильной, позволяла себе такое, от чего он просыпался в поту. И потом не мог взглянуть на нее в школе.

А у Даши всегда волосок к волоску, юбочка до колен, туфельки без каблуков, на губах – ни помады, ни блеска. Живые губы. Это просто сводило его с ума...

Пугая себя самого, Саша прямо во время урока начинал набирать ей сообщение. Потом представлял, как Даша читает, хмуря темные бровки, качает головой: «Нелепость какая!» И обуздывал очередной порыв.

Как в старой песне, звучавшей на выпускном: «Так и кончаются школьные годы...»

Кажется, сейчас Даша тоже третий год училась в Москве, как и он. Только уже ни к чему было искать ее, пусть прошлое остается в прошлом. А может, она в Питере... Кто-то говорил ему или писал, но почему-то это быстро вылетело из головы. Значит, и впрямь стало прошлым. Можно было не сомневаться, что она учится в хорошем вузе. Наверняка выбрала что-то гуманитарное, для него не представляющее интереса. В ее портфеле, забитом учебниками, каким-то чудом находилось место и для книги. Впрочем, как и у него, но его математика утянула, кажется, еще в садике, а в начальных классах Сашу Борисова уже отправляли на олимпиады. Да и читали разных авторов: Даша – Чехова, он – Брэдбери. Хотя, если хорошенько подумать, не такие уж они и разные...

Мысль о математике выдернула его из постели: так ведь и в университет можно опоздать... Они с Ильей Ласкиным в складчину снимали однокомнатную квартиру на окраине Москвы, в Бибирево, добираться по утрам приходилось часа полтора. Нет, ему быстрее – расстояние до станции, Саша пробегал с легкостью. Илье приходилось выходить раньше, чтобы приехать одновременно с ним. Порой получалось так, что от метро до университета они шли вместе, и это забавляло обоих.

* * *

– Думаю, Карлос и Подольски – Моцарт и Сальери футбола.

– Ну, это ты загнул, Саш... Немец же бразильца не травил.

– Сальери тоже никого не травил, к твоему сведению... Пушкин сочинил страшный литературный анекдот, и он прижился.

– Так и рождаются мифы! Мы на вторую-то пару не опоздаем? – Илья вытащил телефон, чтобы проверить время.

Сегодня возле метро им пришлось задержаться: Сашке вздумалось проверить – своего ли младенца держит молодая цыганка, просившая милости? Что навело его на мысль о похищении, Илья не успел сообразить. Зато цыганка оказалась шустрой и сунула ребенка ему в руки:

– Подержи-ка... Свидетельство достану.

В следующую секунду она метнулась к дверям метро и скрылась в толпе. Сашка бросился было за ней, но цыганка, конечно же, сразу сорвала цветастый платок и стала неразличима среди десятков людей.

Пришлось звонить в полицию, дожидаться, пока приедет наряд, снимет у них показания и заберет младенца. Сашу беспокоило, что за все это время ребенок не издал ни звука и спал слишком крепко. Разве дети бывают такими тихими?

– Эти твари их снотворным пичкают, чтоб молчали, – пояснил сержант, записавший их показания. – Украла где-то, конечно. Будем искать...

Последнее прозвучало довольно уныло, и Сашка, когда их наконец отпустили, буркнул:

– Не доволен, что работать заставили.

– Хотя не загребли нас, и на том спасибо! – подхватил Илья.

Но стоило им отойти от метро, как настроение поднялось. Никто не поблагодарил их за спасение ребенка, и все же они оба чувствовали, что сделали доброе дело, и черт с нею – с людской благодарностью! И неблагодарностью...

Взбурлившая радость заставляла обоих все ускорять шаг и весело болтать глупости. И, конечно же, вскоре разговор опять свернул на футбольную тему, которой Илья заинтересовался только после знакомства с Борисовым.

– Это идиотизм – сравнивать несравнимое, – усмехнулся Саша, представив Карлоса и Подольски. – Каждый из них – отдельная, грандиозная личность. Вот еще Роналду и Бекхэма

вечно пытаются поставить на одну доску. Вообще-то у них действительно довольно много общего. Хотя сразу и не скажешь.

– В смысле – оба красавчики?

– Фи! – тоненько воскликнул Саша и сморщил нос. – Илья, вы меня пугаете...

– А что тогда? Один португалец, другой – англичанин. Вообще разная жизнь.

– Не скажи! Они оба пошли на взлет в «Манчестере». САФ их вылепил, как Пигмалион Галатею.

– САФ?

– Сэр Алекс Фергюсон, их тренер.

– А-а...

– Не слышал?! Ну ты даешь... Впрочем, тебе простительно.

– Скоро ты меня насквозь заразишь своим футболом, и я буду разбираться не хуже тебя.

Сашка толкнул его плечом:

– Ля-ля... Короче, и Дэвид, и Криш даже играли в «Манчестере» под одним номером – седьмым. Само собой, в разные годы... Потом оба перешли из «Манчестера» в «Мадрид». Но это все внешнее! Как и их страсть к модным прикидам. А вот то, как они оба быют дальние – это отдельная песня! Техника отличается, но эти парни стоят друг друга. Они рискованные. Не осторожничают, не упускают шанса пробить с дальней дистанции. Мне ближе техника Бекхэма, я тоже смотрю на вратаря, когда пробиваю пенальти. Мяч я чувствую ногой...

* * *

Тренер больно щелкал пальцем по подбородку:

– Смотри вперед! Никогда – на ноги.

Лязгнув зубами, Сашка заныл:

– Михаил Иванович, я и так...

– Спорить будешь?!

– Нет, – он отвечал быстро, пока железный палец не щелкнул еще куда-нибудь.

По лбу и по макушке многим прилетало, если ребята чего-то не улавливали, но Сашке доставалось только по подбородку – он быстро схватывал. К тому же тренеру было известно, что у мальчика уникальные математические способности, на олимпиадах шестиклассников обставляет! Такую голову беречь надо...

Присаживаясь на корточках, Михаил Иванович заглядывал ему в лицо:

– На мяч тоже не смотри. Ты должен видеть его периферийным зрением.

Разговаривал с ним на равных, знал, что Сашка в свои семь лет не спросит: «Это как?» Год назад Михаил Иванович даже принимать Борисова не хотел: ребенок из интеллигентной семьи – априори слабак. Да еще с мамочкой явился на стадион...

Но оказалось, этот круглоголовый, симпатичный мальчишка не только взрослее своих ровесников, но и талантливее.

«Настырный, – думал тренер одобрительно. – И боли не боится – встал, оскалился, как щенок, и побежал дальше».

– А еще лучше чувствовать мяч, – продолжил он. – Прямо кожей. Другое живое существо ты же чувствуешь? Улавливаешь чье-то приближение? Вот и мяч для тебя на поле – главный партнер. Понятно говорю?

Сашка кивал, и тренер не сомневался: действительно все понимает. Схватывает с полуслова.

– Только не забывай, что с тобой еще десять человек, вы – команда, ты должен смотреть направо и налево, чтобы найти того, кому с большей пользой можно доверить мяч.

Едва удерживаясь от того, чтобы привычно высунуть кончик языка (так само собой получалось, когда решал задачи), Сашка выполнял упражнения старательно: перекидывал мяч щечкой², потом перекачивал подошвой. Потом усложнял задачу, делая перекаты внешней стороной стопы. Пытался быстро менять направление движения мяча одной стопой. И через год тренер уже не орал у него над ухом, что левая нога – костыль, который без сожаления можно оторвать и выбросить.

– Попробуй финт Ивелина Попова, – предложил он однажды. – Смотри: проводишь мяч за ногой и меняешь направление. Понял?

Тренер всегда показывал сам, умел все, чему учил мальчишек. Сашка кивал и пробовал. Получалось не всегда... Зато в сердцах плевать в траву он уже научился, как взрослый.

– Наш сын вырастет дебилом, – мрачно сообщал отец за ужином, щуя серые глаза за тонкими линзами очков. – Он целый дни набивает мячик. И все благодаря тебе, дорогая.

Он умел произносить слово «дорогая», как самое мерзкое ругательство. И ведь не вступись, не скажешь, что мама – не дорогая...

– Я сегодня получил пятерку по математике! За контрольную.

Отец воздел костлявые руки:

– Еще бы ты получил четверку! Хоть ниже плинтуса пока не опустился.

Другой на его месте добавил бы «слава богу», но Антон Вадимович был убежденным атеистом. Он любил повторять: «Как истинный ученый, я верю лишь в то, что видел своими глазами или могу доказать».

За столом на мгновение стало так тихо, что кот Мишка, получивший свое имя в честь футбольного тренера, перестал вылизываться и уставился на людей. Светлана Александровна выпрямила спину. Лицо ее стало острым и неприятным:

– Мой сын никогда не опустится ниже плинтуса.

Сашка отвел глаза: его пугало, когда он чувствовал, какие надежды возлагают на него родители...

Они ссорились только из-за него.

– Зачем ты заставляешь ребенка бесконечно что-то считать? Мечтаешь видеть его бухгалтером?

– Что за бред? Бухгалтером! Сашка станет большим математиком. А для этого ему необходимо полюбить сам процесс.

– Из-под палки? Ему всего семь лет!

– Он должен поработать, чтобы это стало даваться ему легко. Когда он учился читать, разве ему это нравилось?

– Я уже не помню, он давно читает!

– Так я тебе скажу: нет! Не нравилось. Потому что тяжело было. А теперь так и глотает книжки! Потому что уже не думает о том, как складывать буквы, это происходит само собой. И он получает удовольствие от самой истории. И с математикой произойдет то же самое.

Мать фыркала:

– Ты серьезно? Можно получать удовольствие от решения задач? Это же не роман...

– Молчи, женщина!

Сашка улыбался за стеной: когда звучала эта фраза, ссора родителей оборачивалась шуткой, игрой. Он ждал этого момента и расслаблялся, услышав.

Ему было жаль, что мама равнодушна к математике и отказывается замечать, что весь мир вокруг наполнен математическими пропорциями. Саша пытался показать ей: бабочка опустилась на рукав ее кофты – мама ахнула от восторга и замерла, а он торопливо объяснил ей:

– Смотри, ее крылышки симметричны.

² Щечка – внутренняя сторона стопы (футбольный сленг).

– Откуда ты знаешь такие слова? Разве во втором классе это проходят?

– Мам! Ну, при чем тут школа?

Не отрывая глаз от едва подрагивающих голубоватых крыльев с синей тесьмой, она прошептала:

– Фу, Сашка, ты все испортил! Я хотела сказать, что это чудо... Смотри, как она прекрасна...

– Ну да, – согласился мальчик, не понимая, как одно может мешать другому.

– А ты со своей симметрией...

– Так поэтому же она и прекрасна!

– Не поэтому. – Мама обиделась, как девочка, а ему стало смешно.

Тогда он выложил главный аргумент, которым вооружил его отец:

– А ты знаешь, почему Джоконда пережила века?

Светлана неуверенно заморгала:

– Она – красива. Загадочна.

– Не-а! – торжествуя выпалил мальчик. – Этот портрет нарисован по правилу «золотого сечения», вот почему! Леонардо да Винчи его открыл.

И выудил из памяти то, что просто зазубрил:

– Композиция рисунка Леонардо основана на золотых треугольниках, являющихся частями правильного звездчатого пятиугольника.

Надолго замолчав, мама шла рядом, опустив голову и неся голубое чудо на рукаве. Саше вдруг стало жаль ее и стыдно за себя. Как будто он сражался с собственной мамой и победил ее! Но разве он искал ее поражения? Ему просто хотелось, чтобы она полюбила великолепную математику так же, как они с папой.

– Мам...

– А ты знаешь, как называется эта бабочка?

Саша озадаченно заморгал:

– Нет...

– И твой папа не знает. Это полуаргус. Или еще ее называют голубянка лесная.

– Я запомню, – на всякий случай заверил он, хотя сильно сомневался в этом.

Мама вздохнула:

– Ладно... Возись со своими цифрами, если тебе не скучно. Но футбол ты ведь ради них не бросишь?

* * *

Каждый раз, когда сын выходил за порог со своим потасканным рюкзачком, в который удавалось впихнуть только чистое нижнее белье да носки, у нее ныло сердце.

– Постой!

А сын уже шел к станции, чтобы вернуться в Москву, с которой было связано все – игра и жизнь. Может, и девушка появилась, о которой родителям еще рано было знать?

Она даже не пыталась уговорить сына остаться подольше, хоть на час. Воскресным утром он уже начинал собираться, хотя мог бы провести с родителями весь день. Скучно было с ними?

Разум твердил, что это естественный процесс взросления их мальчика, пытающегося построить свою жизнь, а не заимствовать родительскую. Но все равно ей было грустно и беспокойно.

О жизни в Подмоскovie сын и слышать не хотел. Говорил, что мотаться по электричкам еще то испытание... И бессмысленная трата времени.

Светлана повторяла про себя: «Жить с нами – бессмысленно?»

Они всю жизнь старались для сына. Пытались спасти его от...

«От чего спасти? От его собственной судьбы? От права совершать ошибки и учиться на них? Чем так хороша наша с Антоном жизнь, что мы совали ее Сашке как чертов эталон?!» – Светлане хотелось заплакать, но сын мог оглянуться. На пороге дома простились легко и весело, пусть думает, что матери ничего не стоит каждую неделю провожать его в Москву...

«Да пусть бы хоть раз в неделю являлся... Лишь бы видеть его. Разве трагедия то, что Сашка повзрослел? Закон жизни. Не собираюсь же я оспаривать его право на самостоятельность?»

Ей казалось, муж легче смирился с тем, что Сашка не живет дома.

Впрочем, сейчас-то обоим легче было дышать, а вот когда отправляли мальчика из Кеморова в Москву, одного, «как большого» – вот была пытка! Они с Антоном так вцепились друг в друга, что пальцы потом болели, а она даже не сразу сообразила – от чего...

Молча сели в машину, Антон машинально включил радио и попал на какую-то ретро-волну.

И тогда она зарыдала в голос. Вернется ли сын? Какой смысл оканчивать московский вуз, чтобы вновь оказаться в Сибири? Они любили свой город, но, положив руку на сердце, кто предпочтет таежный край столице?

– Он не вернется! – Она кричала так, что Антон остановил машину – руки затряслись.

Утешить жену было нечем. Он еще не подозревал, что совсем скоро его мать оставит им дом в Подмоскovie. Подарит напоследок своему сыну самую желанную радость, которой была лишена много лет: видеть своего ребенка хотя бы раз в неделю...

* * *

Как переживал первый тренер, провожая взглядом самолет, увозивший его в Москву, Саша Борисов так и не узнал. Антон Вадимович заметил, как старик сморкается в бумажную салфетку, хотел было подойти, но не нашел слов утешения. А злорадствовать не хотелось: победа разума была очевидна – сын выбрал серьезный столичный вуз, где имелся сильный математический факультет.

Отец не догадывался, что, просматривая сайты институтов, Саша искал тот, где была футбольная команда хорошего уровня. И нашел. Поступить туда не составило для него труда.

– Посмотрим, что ты за птица, – буркнул новый тренер, когда Борисов впервые пришел на университетский стадион в начале сентября. – На какой позиции раньше играл?

– В основном был центральным полузащитником.

– Мозг команды, значит... У нас уже есть центровой – Прохор Ковалев. Бьешь точно? Сможешь нападающим играть? А?

Саша пожал плечами:

– Забиваю.

– Посмотрим, – повторил Егор Степанович. – Давай на траву, я послежу за тобой.

Раньше Саша не слышал такого выражения «на траву», но переспрашивать не стал. Наверное, в Москве свой жаргон, это нормально...

Он не обманывался насчет трудностей, ожидавших в столице. Это в родной команде Саша Борисов был любимцем, лидером, которого признавали все без исключения, бессменным капитаном. А здесь он – новичок, которому заново придется доказывать, чего он стоит. Получится ли? Рассчитывать можно было только на себя.

Утешало то, что команда была студенческой, значит, все игроки недавно прошли через это.

Вместе с ним в сентябре в команду пришел только Андрей Моисеев, который у себя в Чебоксарах считался классным вратарем. В команде вуза он мог претендовать только на место дублера, но не отчаивался.

– Ой, чего не бывает, – сияя всей своей круглой физиономией, говорил Андрей. – Сегодня я на скамейке, а завтра вдруг Ваня простуду подхватит, и я – на воротах. Все нормально, Саш!

Они сразу сошлись с ним, потому что у обоих оказался легкий характер. А быстро влиться в команду помог случай, который мог бы обернуться несчастьем, если бы Саша не рассчитал сил. Но до появления Тины он всегда знал, что делает...

В тот первый вечер, когда Борисов только появился в студенческой команде, они вышли со стадиона вместе. Всем, кроме Прохора Ковалева, нужно было в метро. Сын ректора ездил на «Ауди». Пошли переулками, чтобы срезать дорогу, и в одном из дворов столкнулись с толпой подвыпивших кавказцев. Саша взглянул на них машинально, рассказывая на ходу анекдот, но движения головы оказалось достаточно.

– Эй, ты чего на мою девушку пялишься? – выкрикнул самый рослый – Саше под стать.

– Не останавливайся, – пробормотал Андрей. – Пошли дальше.

Вратарь Ваня Марков быстро проговорил:

– Эти ребята без оружия не ходят, не нарывайся.

Когда Саша увидел его впервые, поверить не мог, что с такими глазами, глядящими в разные стороны, можно стать голкипером. Но Ваня держал ворота под замком, и Андрею вряд ли суждено было выйти в основном составе.

Сзади донесся гортанный оклик:

– Куда пошел? Я сказал: стоять.

– Хана, – выдохнул кто-то за Сашкиным плечом. – Сейчас они нам навтыкают...

Борисов обернулся:

– Мужики, уходите, я беру их на себя. Спокойно, со мной ничего не случится!

– Ты с целой толпой драться собрался?! – ужаснулся Андрей.

Качнув головой, Саша повторил:

– Идите. И как можно быстрее. Я уведу их в другую сторону.

– Кавказцы резвые... Догонят, – с сомнением заметил Ваня.

– Меня? Это исключено.

То, как он улыбался, сбивало ребят с толку. Этот новичок явно что-то задумал, только они не могли разгадать его замысел. А вдруг его и не было? Может, Борисов собрался принести себя в жертву?

«С чего бы? – подумал вратарь. – Мы ему еще никто...»

– Ладно, пошли, – позвал он друзей. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Саша действительно знал. Никто из москвичей не мог слышать о том, что Борисов однажды стал чемпионом Кузбасса по бегу.

В тот марафонский забег Саша попал случайно – накануне старта главный легкоатлет их школы потянул мышцу. Другой бегун, менее надежный, свалился с температурой, и учитель физкультуры с горя схватился за Борисова. Все-таки спортсмен, хотя какие из футболистов стайеры? Видел он, как наша сборная ползает по полю...

Однако вариантов не осталось, и десятиклассник Саша Борисов вышел на старт пятикилометрового забега. Он не особенно любил бег и на уроках физкультуры не выкладывался, чтоб не посылали на соревнования. На тренировках ему больше нравились игровые разминки, где можно было совершенствовать дриблинг.

Но подводить Василия Дмитриевича не хотелось – физкультурник был хорошим мужиком, хоть пьющим. В младших классах они тайком хихикали, когда он в начале урока спрашивал:

– Чем мы занимались в прошлый раз? А что я вам обещал сегодня?

Память явно подводила его. Веселило и то, как Василий Дмитриевич считал дрожащим голосом:

– И-ряз... И-двас...

Провожая Сашу к старту, старый учитель просил об одном:

– Ты хоть как-нибудь добеги, сынок. Живым дойдешь – и слава богу!

– Дойду-дойду, не переживайте, – заверил Саша.

И сам не поверил, когда пришел первым. Отвлёкся, решая в уме очередную задачу, и тело работало само по себе. Даже удивился, увидев перед собой финишную ленту.

– Сам не понял, как это получилось... Я ведь даже не напрягался особо, – словно оправдываясь, объяснял он одноклассникам, пришедшим поболеть.

У Василия Дмитриевича от волнения (Саша предпочел думать именно так) тряслись руки, когда учитель то ли быстро поглаживал его, то ли обирал с футболки невидимые пушинки.

– Ай, молодец! Ай, какой молодец!

Саше хотелось убраться седую прядь, свесившуюся к длинному, усеянному красными жилками носу старика, но таких вольностей он себе не позволял. Почему-то именно эта безвольная прядь долго вспоминалась ему...

Учебный год уже заканчивался, но в сентябре учитель решил проверить, насколько случайной была победа Борисова. И Саша, особо не напрягаясь, показал результат еще лучше, так и пригвоздив Василия Дмитриевича к стулу, который теперь постоянно стоял прямо на стадионе. Ребята его не трогали: старик неважно чувствовал себя в последнее время.

Его похоронили зимой... Следующего большого старта и очередной победы своего последнего открытия – Саши Борисова – он не увидел.

* * *

Так что уводя за собой разъяренную, пьяную толпу, Саша ничуть не волновался. Не было в этом особой храбрости, ведь им просто не по силам было его догнать.

– Скорость – это врожденное, – был уверен Василий Дмитриевич. – Обычного пацана сколько ни тренируй – чемпионом не станет.

Южные парни выкрикивали вслед проклятия и расписывали, что сотворят с ним, когда поймают. Угрозы были страшными настолько, что это смешило Сашу. Тогда он начинал дразнить: позволял им обмануться, подпуская поближе, и чувствовал лопатками горячее дыхание... Нет, все же это скорее казалось ему, они не приближались настолько.

Когда надоело водить их за собой незнакомыми переулками, Саша сделал спурт и пересек двор прежде, чем гнавшаяся за ним стая успела сообразить, что сейчас произойдет. Впрочем, даже если бы они предугадали его рывок, то все равно ничего не сумели бы сделать.

Спустившись в метро, Саша обнаружил в телефоне с десятков сообщений: ребята волновались... Усталость мгновенно испарилась, уступив место счастливому волнению. Он понял, что команда приняла его.

Саша знал за собой особенность воодушевляться, чувствуя себя в кругу, где его если и не любят по-настоящему, то, по крайней мере, хорошо к нему относятся. Еще в школе он всегда оказывался главным рассказчиком, испытывая восторг, знакомый артистам, выступающим на сцене. И в новой команде тоже быстро оценили Сашкино умение травить байки перед матчем – это снимало волнение лучше беседы с психологом, которого ребята избегали, считая старым геєм. Слово они, конечно, употребляли другое...

Даже Егор Степанович как-то шепнул:

– Санек, в мае перед чемпионатом НСФЛ³ создай атмосферу в команде. Как ты умеешь... Упрашивать не пришлось, Саше и самому нравилось быть в центре внимания:

– А помните в конце девяностых «Арсенал» взял и Кубок Англии, и чемпионство в АПЛ? Ну да, мы все тогда еще маленькими были, но читали же? Нет? Тогда слушайте, это классная история. Поначалу они чуть не запороли сезон, «Манчестер Юнайтед» даже возглавлял турнирную таблицу. А капитаном у канониров тогда был Патрик Виейра, потом он еще и сборную Франции возглавил, но это позднее. А тогда Патрик уже не знал, как мотивировать команду играть лучше... И вот однажды они продули из-за того, что в самый решающий момент облажался Николя Анелька. Его-то вы помните? Ну, конечно... И вот, представляете, он не забил в пустой угол ворот! Ему тогда лет восемнадцать было, но раз уж тебя взяли в такую команду, будь добр лезь из кожи вон. А он откровенно недоработал... И что вы думаете? После матча в раздевалке Виейра попытался разобраться с янгстером, а нападающий попросту обложил его матом! Но нельзя безнаказанно дерзить капитану... И Патрик отомстил ему по полной. В душевой он подошел к сидящему Анельке, который не ожидал очередной атаки Виейры, и, представляете, ударил его членом по лицу! Ну да, вот такую пощечину пенисом залепил. И все! Больше Анелька не мазал. За сезон девять голов забил. Кстати, когда кто-то стукнул главному тренеру, Венгер глазом не моргнул. И сказал о Виейре: «Именно поэтому он мой капитан». Хотя до своего капитанства Патрик был сплошной головной болью для тренеров. Один раз плюнул сопернику в лицо. Прямо во время игры! А когда его уводили с поля, подрался с полицейским. Ему какой-то колоссальный штраф влепили и отстранили от нескольких игр. А стал капитаном и сразу начал дисциплину наводить.

– Борисов, а ты в курсе, что в нашей команде я – капитан?

Обернувшись, он поглядел Прохору прямо в глаза. Ковалев был ниже на полголовы, но Саша Борисов ни на кого не смотрел свысока. Правда, и другим не позволял этого. Когда чувствуешь в себе силу, нетрудно быть великодушным и добрым. Злоба рождается от бессилия. Саша точно знал: если понадобится, сможет уложить Прохора одним ударом. Все-таки не зря мама подарила ему на пятилетие боксерскую грушу и перчатки...

Нервным движением Прохор собрал высветленные волосы в «хвостик» на макушке. Снизу они были выбриты и темнели контрастом. В ухе у него поблескивала серьга, несмотря на то что тренер требовал, чтобы на игроках не было ничего, способного травмировать их. В прозрачных глазах Прохора светилась почти волчья злость. Его бесило даже то, что до появления «сибирского валенка» он был самым высоким в команде и враз стал середнячком.

– Не забыл, – отозвался Саша спокойно. – Разве я отнимаю твой хлеб? Ничего подобного. Они твои. – Он улыбнулся ребятам. – Настраивай.

Но не отошел, чтобы это не восприняли как вызов, вместе со всеми выслушал напутствие капитана. Ему действительно несколько не хотелось бороться с Прохором за капитанскую повязку. Борьба за власть над себе подобными, которой некоторые люди отдают целую жизнь, всегда казалась Саше Борисову мышинной возней. Политику он презирал, чиновничьи кресла были ему тесны, большой бизнес его не интересовал. Он не рвался к лидерству, и потому оно само приходило к нему естественным образом. Его спокойная уверенность ощущалась всеми, чьи пути пересекались с Сашиным. И в детском саду, и в школе, и в футбольной команде в нем сразу видели вожака и непроизвольно выстраивались за его спиной, не сомневаясь, что Борисов знает, куда идти. А он даже не наслаждался этим, воспринимая как должное. Не обуза, но и не подарок. Просто по-другому не бывало и быть не может.

При этом лидерство его всегда было неформальным. Ни командиром класса, ни капитаном команды Саша никогда не избирался и только радовался этому. Не рвался он к власти... А вот тому, что его истории не просто слушали, но и просили рассказать, Саша откровенно

³ НСФЛ – Национальная студенческая футбольная лига.

радовался. И за самыми свежими анекдотами приятели всегда приходили к нему. А уж организовать вечеринку лучше Саши Борисова точно никто не мог. Еще и потому, что сам он не пил и у него все оставалось под контролем. Если за дело брался Сашка, можно было ручаться за то, что квартира останется целой и никто из девочек не будет рыдать под утро...

Илью удивляло, каким количеством знакомых его друг мгновенно оброс в Москве. Столица не ошеломила Борисова, как многих провинциалов. Этот город жил в его темпе, и Саше нравилась стремительность движения, к которой вынуждала Москва. У него радостно вскипала кровь, когда он выбегал из подъезда, где они с Ильей снимали квартирку. Бежать. Бежать!

Даже толпа, набивающаяся в метро в час пик и тормозящая его, не вызывала отвращения – Саша привык работать в команде. Хочешь независимой игры – иди в теннис или в лыжные гонки.

Родители, вслед за ним перебравшиеся в Подмоскovie, где бабушка в прошлом году оставила им добротный, кирпичный дом, уговаривали сына жить дома и ездить на занятия на электричке. Но Саше казалось обидным терять на дорогу целые часы, тем более он работал вечерами в кафе и не видел смысла тащиться два часа домой, чтобы только переночевать.

Это кафе «Тени», куда приходили в основном москвичи, потому что оно пряталось в укромном переулке, и стало тем местом, где надломилась судьба Саши Борисова. В тот самый вечер, когда он, уже будучи третьекурсником, увидел Тину...

* * *

Он был зол в тот вечер. На тренировке они опять сцепились с Прохором Ковалевым, который все чаще пасовал неточно и не только сорвал атаку, но и позволил сопернику перехватить инициативу. Контратака закончилась голом, и Саша не удержался – гаркнул на мазилу.

Никто в команде его не поддержал, но это было обычным делом: ссориться с Прохором студентам не хотелось, ведь его отец был ректором их университета. Саша узнал об этом не сразу – мало ли Ковалевых на свете! К тому моменту, когда это выяснилось, они с Прохором уже ненавидели друг друга.

– Нашелся тут, – процедил Прохор сквозь зубы еще после первой тренировки. – Звезда таежная...

– Не дергайся лучше, – отрезал Саша. – У нас в Сибири с такими, как ты, умеют разбираться.

До драк у них не доходило, Прохор был не мастер работать кулаками, хотя ноги у него оказались неплохие, даже Саше пришлось это признать. До его прихода в команду именно Ковалев считался лучшим игроком и не смог скрыть, как задело его то, что тренер теперь делал основную ставку на новичка.

Никто точно не знал – пожаловался ли Прохор отцу и когда, но именно сегодня у тренера лопнуло терпение.

– Борисов, все! Уходишь в защиту. А Прохор с этого дня – нападающий. Чем дальше вы друг от друга, тем лучше, – рассудил Егор Степанович. – Третий год вместе играете, никак поладить не можете!

И ребята закивали, поддерживая тренера. Некоторые отводили глаза, но Саша понимал, что их стычки с Прохором надоели всем. Вне тренировок они не пересекались: сын ректора уже оканчивал вуз, да и учился он на экономическом факультете.

Если б Саша играл в хоккей, то в сердцах шваркнул бы клюшкой о лед. Закинул бы шлем куда подальше... Но он даже не сорвал с себя футболку, только зубы стиснул так, что где-то в ухе хрустнуло.

– Как скажете, тренер, – выдавил он.

Саша выскочил с поля, не обернувшись на окрик Егора Степановича, забежал в раздевалку и уже здесь сорвал с себя тренировочную форму, швырнул на пол, от души потоптался на ней. В этот момент у него было только одно желание: уйти из команды, плюнуть на футбол, расслабиться впервые в жизни, выспаться, напиться, наконец...

Нет, последнее – это вряд ли, подумал он. Никогда не пил, не стоит и начинать, а то потом не выберешься из этой ловушки.

Путаясь в своих вещах, Саша торопливо переоделся, на этот раз даже не приняв душ – обошелся влажными салфетками. Обычно после тренировки они с ребятами выпивали по чашке кофе из автомата, стоявшего у выхода со стадиона, но сегодня он решил дотерпеть до кафе, где подрабатывал вечерами. Конечно, не поэтому бежал туда со всех ног... Не закончил тренировку, не выложился по полной, а энергия рвалась наружу. Или, может, судьба звала?

Заскочив домой, он наспех намазал бутерброд, скороговоркой рассказав Илье, что произошло:

– Я же никогда не играл в защите!

Тот отложил учебник, с которым практически не расставался:

– Ничего! Ты же любишь учиться, сам говорил.

– Это я про математику говорил...

– Потерпи. Этот Прохор... Он же на пятом? Скоро свалит из команды и не будет путаться под ногами.

– Раньше я сам свалю, – мрачно заявлял Саша.

Но этим Илью было не испугать. Он-то знал, что добровольно Сашка никогда не бросит футбол, его можно только выгнать из команды. И надеялся, что на такое тренер не пойдет.

– Ты на работу? Не глупи там! – крикнул Илья вслед.

– Не бойся, – отозвался Саша, уже открыв дверь. – Все будет как обычно.

Но как обычно не получилось...

* * *

Эту девушку нельзя было не заметить.

Не только потому, что на ней было облегающее красное платье. Будь она хоть в халате, хоть в робе, Сашу поразили бы ее огромные черные глаза, сверкающие вызовом, смысл которого сразу тянуло разгадать. У нее была самая тонкая талия в мире и живая, высокая грудь. Темные волосы, стекающие по спине, хотелось погладить ладонью, вести по ним так долго, чтобы она успела привыкнуть к теплу его кожи. В ней все было естественным и прекрасным до того, что Саша замер с подносом посреди зала.

А его она даже не увидела: кто вообще замечает официанта? Сделала заказ, одновременно весело болтая с подругами. Мужчин в их компании не было, и это обрадовало, как будто он мог рассчитывать на что-то... Эта девушка точно шагнула с книжной страницы: Эсмеральда, Гуттиэре – она могла быть любой из тех, в кого Саша трепетно и безнадежно влюблялся, читая и перечитывая любимые истории. Даже ее красное платье казалось несовременным, но вневременным, его можно было носить в любую эпоху.

Она была лишена примет времени – вот что еще пленило его, помимо броской красоты. У нее не было пирсинга и тату, ей не требовалось украшать себя искусственно. Даже сережки поблескивали едва заметными искрами, а смуглое запястье было свободно от часов, словно девушка сознательно отказалась от попыток вогнать себя в любые рамки. И дух свободы, который чувствовался в ней, манил и околдовывал.

Ему пришлось собраться, когда вернулся с подносом, как перед пенальти, чтобы руки не затряслись. Поставив перед ней пустую чашку и чайничек, он вскользь коснулся открытого

локтя. Тина (он уже услышал ее имя!) не отдернула руки, но это не давало надежды. Скорее всего, просто не обратила внимания.

– Вам налить? – спросил Саша.

Она мотнула головой, не подняв на него глаз, продолжая быстро говорить что-то – у него так шумело в ушах, что он не разобрал ни слова. А вот подруга проводила его долгим, удивленным взглядом. Саша уже не слышал, как та хмыкнула:

– Ну, надо же! Такой милаш и простым официантом работает. Мог бы влегкую карьеру модели сделать!

– Кто? – Тина оглянулась, но Саша уже вышел из зала.

Через секунду забыла о нем, не увиденном.

А вот он ее уже забыть не мог. Видеть – было уже не нужно, она была везде, где бы Саша ни находился. Он машинально продолжал принимать заказы, доставлял их на кухню и возвращался с полным подносом, но делал это почти вслепую, потому что лицо Тины заслонило все.

«Что это за имя? – замороженно гадал он. – Волшебное имя...»

Кто-то резко ткнул его в спину:

– Очнись! Да что с тобой? С третьего столика сбежали, не расплатившись.

– Что? – Он смотрел на администратора Яшу, силясь собраться с мыслями.

– Из твоей зарплаты вычтем, ясно.

Саша сразу пришел в себя:

– Почему?

– Ты их обслуживал.

– Но я же не могу караулить всех!

– А ты поменьше возле девчонок вертись, – язвительно посоветовал Яша. – А то совсем пустым останешься. Эти лапочки явно не твоего полета птицы.

Саша отвернулся: «А это мы еще посмотрим!»

В нем сразу проснулся спортивный азарт, столько лет заставлявший его двигаться вперед через боль и изнеможение. Первый тренер научил его искусству маленьких шагов: надо ставить реальные цели, но за каждой достигнутой должна возникать следующая. Сперва нужно было элементарно познакомиться с девушкой...

Только не в униформе официанта, которая лишала его лица.

* * *

Во сне он не мог сообразить, кому кричит тренер:

– Жестче давай! Играй плотнее. А теперь выкатывай под удар. Эй, я кому говорю!

«Кому?»

Но на всякий случай старался, как мог. Ловко проводил обводки с обманными финтами, совершал стремительные ложные движения то в одну, то в другую сторону, делал точные передачи. Михаил Иванович всегда подчеркивал, сколько Сашка Борисов делает голевых передач. От этого мальчик смущался, прятал глаза...

Как и все, похвалу он любил, только не публичную. Больше всего Саша не хотел, чтобы кто-то менее способный позавидовал его таланту. Это же плохо, когда тебе завидуют... Саша усвоил это еще в детском саду, когда беленькая девочка, чье имя он уже забыл, изрезала зелеными ножницами с закругленными концами (это почему-то помнилось!) его рисунок, который воспитательница расхвалила как лучший. Чужая зависть лишает чего-то тебя самого. Тогда он осознал это смутно, но усвоил.

Правда, с годами боязнь похвалы прошла сама собой, и Саша даже стал замечать за собой, что может прихвастнуть. Отец порой подтрунивал: сын любит распустить хвост... Только вот теперь хвалиться было нечем.

– Развернулся с мячом и смещайся в сторону! Улитку⁴ крути!

Он опять оказался на поле. Собственные ноги в красных бутсах показались крошечными.

«Сколько мне лет? Восемь? Десять?»

Странно было гадать об этом во сне, и Саша перестал сопротивляться иллюзорной реальности. В сторону так в сторону. Улитку? Знаем, проходили. Вот только получится ли?

– Не докрутил... Если не уверен в своих силах, этот финт лучше не делать. Запомнил?

– Я был уверен!

Удивленно замолчав, тренер усмехнулся:

– Ну, коли так... Давай-ка финт Круиффа попробуем. Витька, Макс, идите на подмогу. Технику помнишь?

Он помнил: на замахе надо убрать мяч под себя, потом нанести удар. Можно отдать пас, это уж по обстоятельствам. Но такой финт получается, только если ноги достаточно быстрые, а противник не очень-то опытный. Когда защитник хорош, он не попадется на эту обманку.

– Вот, это лучше. Но надо еще шустрее, слышишь, Саш?

Он слышал. Старался. Только всегда оказывалось, что предела нет. Работа продолжается до финального свистка.

– Запомните, пацаны: обвести соперника еще не все. Надо, чтобы соперник отстал и не пытался снова отобрать у вас мяч. Так что нужно закрывать его, бороться за мяч, пока он не окажется в авоське⁵. Двигаться как можно быстрее и сразу наметить кратчайший путь. Ясно?

– Ясно, – заверил Саша. – Кратчайший путь.

* * *

Тина не признала официанта из кафе в высоком парне, заглянувшем в такси, которое она заняла, отправив подруг на предыдущем.

– Не разделите со мной это роскошное сиденье?

«Ух какой!» – она не выдала удивления, только приподняла брови:

– А если мне в другую сторону?

– Поверьте, с вами или, если угодно, за вами я отправлюсь в любой конец Москвы. И даже за МКАД. То есть я практически готов на подвиг!

Сперва сжав губы, Тина не выдержала и рассмеялась. Смех у нее был пронзительный, откровенный, он слегка смутил Сашу. Но изгиб шеи показался пленительным настолько, что все сомнения отпали.

– Садитесь же!

Юркнув в машину, он сел сзади, с ней рядом, и вдруг ощутил такой жар, будто Тина была тяжело больна.

«Что в ней скрыто?» – подумал он, и это была его последняя трезвая мысль.

Он слышал, как Тина говорила что-то, но не мог разобрать слов. Важно было лишь то, как двигаются ее губы... Хотя он, кажется, даже отвечал что-то, ведь Тина смеялась, выгибая шею, в которую хотелось впитаться и не отпускать. Никогда.

Позднее он не смог восстановить в памяти, как случилось, что он привез Тину в Библирево, даже не предупредив Илью... Просто не вспомнил о нем. Другу пришлось ночевать на диванчике в кухне, и он, конечно, все слышал, ведь Тина была не из тех, кто сдерживает звуки страсти.

– Ты моя... Прекрасная... Невероятная... Моя... – Саша кричал об этом или шептал?

⁴ Улитка (рулетка) – финт Зидана, при котором игрок в ходе разворота вокруг своей оси на 360 градусов одной ногой останавливает мяч, затем другой прокидывает его.

⁵ Авоська – сетка ворот (футбольный сленг).

Кажется, он твердил о любви... А что это было, если не любовь? Разве, кроме нее, что-то способно вывернуть наизнанку и сдавить наслаждением каждую клеточку тела? Его поднимало и расплющивало, пронзало болью и растворяло в нежности. В какие-то моменты мерещилось, будто Тина уже поглотила его целиком, и он блуждал в ее чреве, пытаясь отыскать новые точки удовольствия, которого она жаждала. В поисках телесных радостей Тина была ненасытна и без сожаления отдавала этому часы жизни. А ради чего еще стоит влачить существование на этой земле?

У Саши и раньше случались жаркие романы, но никогда еще он не был готов отдать всю оставшуюся жизнь, лишь бы эта ночь не кончалась. Как Илья ускользнул из дома, они даже не услышали. Может, уснули, изнуренные блаженством? Когда Саша очнулся, часы на стене уверяли, что уже вечер. Моргая спросонья, он долго таращился на них и не мог поверить в исчезновение целого дня.

«Тренировку пропустил!» – спохватился он.

Занятия в институте тоже были важны, но первым делом на ум пришел футбол. А следом из вчерашнего дня выглянул Прохор, усмехнулся с издевкой. Саша поморщился: «Еще решит, будто я струсил... Уступил ему. Черт!»

Но стоило перевести взгляд на мягкий изгиб смуглой спины лежавшей рядом девушки, как в голове снова зашумело, и сердце заторопило: «Давай! Возьми ее спящую! Скорее...» Стараясь не разбудить, Саша пристроился сзади и вошел в тело Тины, открытое ласкам. Даже во сне она ждала наслаждения... И получила его. Застонала хрипло, громко, и от этого почти животного звука внутри Саши все взорвалось.

Откинувшись на подушку, он долго не мог отдышаться. Перед глазами плавала комната, которую Саша не узнавал. Где это он? Что происходит? Кто эта девушка, внезапно ставшая смыслом его жизни? Ему было известно о Тине лишь то, что она учится в Литературном институте и рассчитывает на всемирную славу. И больше ничего, пожалуй. Но Саша уже понимал, что без этой девушки ему не выжить.

Он нашел свой источник вечного наслаждения.

* * *

– Разминаемся, разминаемся! – прикрикнул тренер, хлопнув по плечу Антона, выбегавшего на поле последним. – Не отлыниваем. Думаете, я не знаю, что вы думаете? А?

– Ну? – буркнул Ваня. – Что мы думаем?

Егор Степанович отозвался с мальчишеской интонацией:

– Чего мы время теряем на эту разминку? Нет чтоб сразу тренировку начать!

Фыкнув, вратарь вздохнул:

– Все-то вы знаете!

– Сам таким же дураком был потому что... А мастера никогда разминкой не пренебрегают. Хотя точно так же терпеть не могут!

Ребята неуверенно переглянулись и рассмеялись.

– А что вы думали? Каждому хочется играть в футбол, а не бегать десять минут кругами, а потом растягиваться. Но вы же не новички! Уж, поди, в спортивных школах вам говорили, как важно разогреться перед игрой? А? Только так можно подготовить организм к быстрым действиям. Запомните, если вы двигаетесь мало, кровь приливает в основном к внутренним органам. Нам же нужно, чтобы при активных действиях кровь поступала в мышцы. Но чтобы это произошло, требуется время. Запомнили? Прохор, тебе ясно? Что за улыбочки?

Ковалев вытаращил глаза:

– Да что вы, тренер?! Никаких улыбочек! Я серьезен, как никогда.

– Я вижу... Ладно, займитесь делом. Завтра товарняк⁶ с МГУ. Хотите стать для них мальчишками для битья? Работайте! И учтите, я все вижу!

Устроившись у флагштока на раскладном стульчике, Егор Степанович открыл знаменитую тетрадь, в которую заносил схемы комбинаций. То есть это они так думали, что внутри схемы... На самом деле никто из ребят не открывал этой тетради, но всех она очень интересовала.

– А если он пишет что-то о нас? – предположил Антон, впервые заметив, как тренер уткнулся в записи.

Тянуло заглянуть через плечо, выхватить взглядом хоть строчку. Но стоило кому-то из игроков направиться к нему, тренер закрывал тетрадь.

– Да ладно вам, пишет и пишет, – успокаивал Саша Борисов. – Хотя я не думаю, что он там характеристики составляет... Какой в этом смысл? Скорее, игру планирует.

Сегодня Сашки на тренировке не было, и, к собственному удивлению, Антон чуть ли не кожей ощущал его отсутствие. Подружиться они не успели, Саша сразу после тренировок убегал на работу, но одно его присутствие вносило во все некое душевное равновесие. Если бы еще Ковалев не цеплялся ко всем, было бы совсем хорошо...

– Сибирский валенок не явился? – делая растяжку, Прохор пристально оглядел разминавшихся ребят.

Нападающий Витя Бурков выдохнул, делая наклоны:

– Отвяжись ты от него. Нормальный же пацан!

– Ключевое слово – нормальный. Обычный. Середняк.

– Вот это ты зря, – пробормотал Коля Кравчук, поставленный тренером в защиту вместе с Сашей. – Борисов – классный футболист.

Прохор усмехнулся:

– Ну, получше тебя – это факт.

– А я и не спорю, – разозлился Коля. – Это ты из себя звезду футбола корчишь!

– Значит, по-твоему, это Борисов – звезда?

Антон резко сплюнул на траву:

– Дебильное слово. Кругом теперь сплошные звезды! Сашка – спортсмен. Вот это подходящее слово. Он выкладывается по полной. И Сашка дисциплинированный.

Выпрямившись, Прохор насмешливо посмотрел на него сверху:

– Серьезно? И где же сейчас, интересно, ваш трудолюбивый, дисциплинированный спортсмен?

* * *

Воздух в комнате курился маревом.

– Ты должен попробовать, мой красавец. – Тина плотоядно улыбалась.

Саша был пьян. Он медлил, но она настаивала:

– Тебе полезно расширить сознание, ты слишком ограничен: математика и футбол. Здоровый образ жизни... Скука смертная.

Черные глаза блестели обещанием рая, и Саша знал, что он существует. Ему хотелось оказаться там как можно скорее, а Тина была проводником в сад наслаждений, и перечить ей он не смел. Она сидела у него на коленях, лицом к нему, то и дело легко сдвигаясь, отчего у Саши мутилось в голове.

⁶ Товарняк – товарищеский матч (футбольный сленг).

– Пойдем... куда-нибудь... в ванную... – шептал он, едва не теряя сознание, и пытался поймать ее губы. Но поймал только кончик сигареты.

– Затянись. Тогда нам будет еще лучше вместе.

– Ты уже делала так... с кем-то?

– Сотни раз, – рассмеялась она. – Ты же не думал, будто я – девственница?

В замешательстве он пробормотал, избегая сигареты:

– Нет, конечно. Но сотни раз?

– Ну, может, я слегка преувеличила, – она подвинулась, чуть поерзала, вызвав новый прилив желания. – Ты должен хотя бы попробовать. Если не понравится, больше не стану предлагать. Но, я тебя уверяю, это не может не понравиться...

И она вновь оказалась права. У него захватило дух от того, каким легким он вдруг стал, как закружился и поплыл куда-то, где не существовало ничего, кроме Тины, ее горячего тела, в которое он проник на глазах у ее однокашников, сидящих на других общежитских кроватях, на стульях и даже на полу. Это была даже не толпа – стоя, не знающая других нравственных норм, кроме насыщения любого рода. Один из них вяло поаплодировал, другие и внимания не обратили...

Саша безразлично подумал, что поэтам не впервой наблюдать чужую любовь, но эта мысль не отрезвила его и не смутила. Бесстыдство уже впиталось в кровь, и то, что еще недавно заставило бы передернуться от брезгливости, вдруг стало казаться прекрасным в своей естественности.

Кто-то рядом кричал:

– Послушайте, послушайте! Это гениально.

И сбивчиво читал стихи, то ли свои, то ли чужие.

Саша слышал их, но не улавливал ни смысла, ни музыки. Слова расплывались по комнате дымными кольцами и таяли, не оставляя сожалений. В другое время он вслушался бы, ведь с детства был книжным мальчиком. И хотя больше любил прозу, особенно как многие математики, научную фантастику, все же неплохо знал поэзию, даже современную. Имена Пригова и Полозковой не вызывали у него недоумения, хотя Саша не мог сказать, что полюбил их стихи. А вот Бродский был ему близок своей прозрачной тоской, ведь как многие с виду веселые и остроумные люди, Саша Борисов был склонен к меланхолии. Только мало кто догадывался об этом...

Тина тоже читала ему свои. Правда, лучше б он прочел их глазами – голос отвлекал, волновал, мысли вязли в нем, как в патоке. После ни одной строчки не вспоминалось, только вкус крови на губах, опухших от поцелуев, пряный запах волос, узоры сосков – тропинки к удовольствию.

– Твой тренер приходил прямо на консультацию, – хмуро сообщил Илья, когда Саша забежал домой сменить одежду. – Искал тебя.

– Нашел? – Саша попытался сострить, но вышло не очень.

– Ты сам-то себя не потерял еще?

Забравшись с учебником на диван, Илья пытался испепелить его взглядом, но слишком любил друга, чтобы злиться всерьез. Его круглая мордашка выдавала, как ему плохо одному в пустой квартире.

Саша усмехнулся:

– Только давай без этих сентенций! Тебе не идет роль зануды.

– А тебе богемный стиль!

Замерев с пуловером в руке, Саша обернулся:

– При чем тут богема? Кстати, ты знаешь, что это переводится как цыганщина?

– Не знал. По-моему, это слово сейчас употребляется несколько в ином смысле...

– Неважно. Я не в богему ушел. Мне просто хочется быть рядом с этой девушкой. И если ее притягивает богема, то я...

– Готов бросить футбол? – Илья выглядел несчастным.

Помолчав, Саша швырнул пуловер в сумку:

– Я никого и ничего не бросаю. Просто бывают периоды, когда чем-то приходится жертвовать.

– Ты в курсе, что завтра экзамен?

У Саши екнуло сердце:

– Уже завтра?!

– Ты и об этом забыл?

– Черт, – он сел рядом с Ильей. – Я и вправду забыл.

– Но ты же придешь завтра?

– Без вопросов. Что сдаем?

Подскочив как ужаленный, Илья завопил:

– Да ты совсем сдурел?!

– Шучу-шучу, я помню. И я приду, не волнуйся.

Но экзамен он проспал, как и последнюю тренировку перед финальным матчем.

* * *

Скука. Бездонная. Беспредельная...

Убить себя и то веселее.

Все эти слюнвявые мальчишки, тянущиеся к ее губам, отвратительны. Тине хотелось стать невидимой, когда к ней направлялся очередной. Их потные тела вызывали в ней приступы отвращения... Один за другим, один за другим.

Но старая соседка, к которой захаживали все мужчины их района, научила Тину, когда та была еще подростком: ни за что, ни при каких обстоятельствах не признавайся, что тебе неприятно. Из-за этого любой убить может...

Саша Борисов был ничем не лучше любого другого, его так же отвратительно трясло в ее присутствии. Момент спортивного азарта, который Тина испытывала, как любой коллекционер, давно остался позади. Она заполучила сердце этого красавца в свою обширную кладовую и потеряла к нему интерес.

Почему не прогнала сразу? Просто лень было. Пришлось бы искать слова, а на это Тине хотелось тратить время, только когда она писала стихи.

Не жаль ведь его? Нисколько.

С этой его фантастической физиономией Сашка еще столько сердец разобьет. Десятки дур вскроют себе вены – вдоль, чтобы наверняка... Их Тине тоже не было жаль, не за них мстила. Да и не мстила вовсе! Искала вдохновения.

И не находила... Не писалось в последнее время.

А на семинарах требовали новых стихов – в этом суть процесса обучения. Раньше строчки сами рождались из ночных вздохов, жадных взглядов, дрожи, проходящей вдоль позвоночника... Теперь Тина даже не чувствовала этого, или дрожь, как молния, сразу уходила в землю?

«Я – заземленная» – эта мысль ужасала.

Меньше всего Тине хотелось быть привязанной к земле, к реальности. К этой мерзкой реальности, которую она ненавидела с детства. Чего ей на самом деле хотелось, это обрести надежное убежище, где получилось бы спрятаться ото всех.

Книги, сигареты и она сама – это было тем идеальным образом жизни, который пока ей не удалось обрести.

Студенческое общежитие с его толчеей, шумом и ароматом похоти, было полной противоположностью тому раю, в котором Тина мечтала оказаться. Она пошла бы на все, чтобы найти свой уголок сада, куда никому не будет хода... Нега, фантазии, доступные в одиночестве наслаждения – что еще нужно для счастья девушке, мечтающей о славе Сапфо?

Тина позволила происходящему в общежитской комнате проникнуть в ее сознание: Сашка опять травит анекдоты, а остальные смотрят ему в рот и хохочут. Все в разы талантливее его, но обаяние делает свое дело – какой-то футболист, выдающий себя за будущего ученого, кажется им интеллектуалом. Что он там несет?

– Был такой математик Давид Гильберт. В одной из лекций он сказал великолепную вещь: каждый человек имеет некий горизонт. Если он сужается, то становится бесконечно малым и превращается в точку. В этом случае человек заявляет: «Это моя точка зрения».

Полупьяные... Бездарные... Над чем они смеются? Ни у кого из них нет ни горизонта, ни собственной точки зрения.

Но Тина не выдала себя, звонко расхохоталась вместе со всеми. Поймала восхищенный Сашин взгляд: этот пес готов вылизывать ей ноги. Если позволит, до конца жизни будет таскаться за ней. Что там болтают о спортивном характере? Сдулся он, как мяч, в который вонзили нож.

Она – этот нож.

Уж это Тина про себя понимала...

* * *

Что с мячом они должны стать одним целым, Сашка усвоил еще в семь лет. Тренер любые пробежки заставлял делать, держа его в руках, выполнять наклоны на разминке. Сначала мяч здорово мешал Сашке, вываливался из рук, терялся на бегу. Но через пару месяцев стал необходим ему, как трость хромоту, – стало казаться, что он споткнется, если побежит просто так.

Михаил Иванович одобрительно кивал: мальчишка склеился с мячом, это хорошо. И хоть Борисов еще порой сбивался, когда шел в дриблинг, и, случалось, обрезаю всю команду, тренер не выговаривал ему. Парень башковитый, сам все понимает. А прикрикнешь, особенно при всех, может и скинуть, он же из интеллигентной семьи. Рефлексия – болезнь наследственная... В следующий раз Сашка уже побоится пойти в дриблинг или начнет осторожничать. Пусть сам делает выводы.

И Саша играл все уверенней, оправдывал надежды. Но Михаил Иванович не позволял себе забывать, что Борисов – не единственный игрок в команде. И старался поддерживать как раз слабаков.

– Нормально себя чувствуешь? – заглядывал он в глаза главному мазиле. – Выглядишь усталым. Не приболел?

– Не, я ничего...

– Смотри. Если надо отдохнуть, присядь ненадолго.

И пацаны старались с удвоенной силой, тронутые заботой тренера. Некоторые были из семей, в которых никто никогда не интересовался их самочувствием...

– Для нас не соревнования главное, – внушал ребятам тренер. – Вы должны расти. И не только физически, а во всех смыслах! Прогрессировать. Учиться делать то, что вчера не получалось. А выиграете вы или нет – дело десятое. Побеждать приятно, но не обязательно. Даже чемпионы иногда проигрывают, потому что человеку свойственно ошибаться. Все поняли?

Саша Борисов понимал.

«Ух, черт глазастый!» – Тренер отводил глаза, будто смущаясь этого светящегося взгляда.

– Играем «квадрат», – бросал Михаил Иванович и отворачивался.

Никто не должен был догадаться, что только в Саше Борисове он видит будущего чемпиона. Каждый из этих пацанов должен считать себя победителем, иначе нет смысла тратить силы на тренировки. Нет, тренер не лукавил, внушая им, что главное – личный рост, но, если ты не мечтаешь о «золоте» чемпионата мира, ничего и не добьешься... Даже маленькой победы не достигнешь без мечты о большой.

Мальчишки парами, как и положено в «квадрате», с азартом отбирали друг у друга мяч. Им нравилось это упражнение, они заводились. Щеки пылали, мокрые волосы торчали во все стороны – красота! Таких пацанов Михаил Иванович считал настоящими и от души жалел тех, кто сейчас валялся на диванах с пультом в руке.

«Какой там математик, – косился он в Сашкину сторону. – Он же прирожденный футболист! У него мяч к ноге прилипает».

И тут вдруг Борисов отскочил в сторону, бросился к тренеру:

– Можно я в раздевалку? На минутку!

Михаил Иванович встревожился, такое на его памяти было впервые:

– Случилось что?

– Я понял, как решить эту задачу! – выпалил Сашка. – Мне записать нужно. Срочно!

Глаза мальчика так и сияли, а рот расплывался в счастливой улыбке. Отпустив Сашку движением головы, тренер долго смотрел вслед. То, как мгновенно жизнь опровергла его выводы, казалось мистикой, и от этого было слегка не по себе. Он-то был уверен, что на поле мысли Борисова заняты только футболом...

* * *

Не открывая глаз, Саша подумал: «Ну и черт с ним... Какой я – футболист? Да и математик из меня мог бы выйти посредственный. Любовь. Разве не в этом смысл жизни? Я нашел ее. Вот что главное».

Повернувшись на правый бок, Саша хотел уже привычно уткнуться носом в мягкую грудь Тины, и только сейчас понял, что ее нет рядом. Его окатило ознобом. Мир мгновенно стал ледяной пустыней...

Как жить, если нет Тины?!

Но кошмар тотчас рассеялся, стоило ему открыть глаза. Тина курила, сидя у окна – как это он спросонья не почувствовал дым? – и что-то записывала в блокнот.

– Творишь? – спросил Саша, постаравшись не выдать только что пережитого ужаса.

Только кивнув, она быстро набросала несколько строк и потушила сигарету. Ему был неприятен этот запах, но все же он позвал:

– Иди ко мне.

На этот раз она отозвалась, но совсем не так, как ему хотелось:

– Ты не видишь, что я пишу?

– Мы проспали мой экзамен, – не выдержал Саша, хотя зарекался упрекать ее в чем бы то ни было. – И тренировку.

– Это твои проблемы. Мог бы поставить будильник. Я тебе не нянька.

Она была права, их не связывали никакие обязательства. Что вообще дало ему право думать, будто они едины и все у них общее – радости и проблемы?

«Я выдаю желаемое за действительное», – упрекнул себя Саша и закрыл глаза. Спешить уже было некуда. Да и сил подняться и начать делать хоть что-то он в себе не ощущал. Может, пара затяжек помогла бы?

Словно считав его мысли, Тина вдруг бросила блокнот и пересела на кровать. Откуда она достала то, чего сейчас ему хотелось? Сначала Саша уловил знакомый запах, потом сигарета коснулась его губ:

– Сейчас полегчает...

– А ты после этого сможешь писать?

– Почему нет? – рассмеялась она. – Это редактировать текст нужно на трезвую голову, а сочинять стихи можно в любом угаре...

– То есть Есенин действительно писал стихи подшофе?

Затянувшись, Тина помолчала:

– Нет. Не буду врать. Современники говорили, что никогда. Это лишь байки.

– А кто тогда?

Она резко встала.

– Я. Этого достаточно?

– Тебя мне более чем достаточно.

Шагнув к кровати, она резко склонилась над ним, свесив на лицо темный дым волос. Он жадно втянул их запах, пьянея, и притянул Тину к себе. Вытянувшись на нем всем телом, она чуть отстранилась и требовательно заглянула в глаза:

– Любишь?

– Люблю. – Он задохнулся от волнения.

– Только меня?

– Только...

Тина прищурилась:

– Ты – хитрец... И я тебе не верю. Скажи по совести, ты готов ради меня отказаться от всего мира?

– Я уже отказался.

– Нет. Ты всего лишь проспал. Заведи я будильник, тебя уже не было бы здесь...

Саша попытался собраться с мыслями:

– А ты действительно хочешь, чтобы я всю жизнь провел у твоей юбки? Зачем тебе это?

– Я люблю собак, – выдохнула она со смехом. – Я хочу, чтоб ты был моим псом! Защитником.

– Я и есть защитник. И твой, и в футболе.

С силой оттолкнувшись, Тина встала, оставив после себя холодную пустоту. И процедила с обидой, рассмешившей его:

– Вот она – твоя главная страсть! Футбол.

– Солнышко, ты ревнуешь меня к футболу?!

– Не смейся! Ты только что твердил, будто я – целый мир для тебя.

«Разве я говорил такое?» – Саша попытался вспомнить и не смог. Мысли путались.

– И я совсем не солнышко, – пелена ее волос опять закрыла свет. – Я – твой мрак. Тот, которого ты искал...

И он не смог ничего возразить. Не вспомнил, хотел ли в действительности той тьмы, в которой оказался...

* * *

В голове что-то грохало, не давая спать. Как долго он пытался проснуться? И сколько потом лежал с открытыми глазами, стараясь понять, в какой реальности оказался?

Тина не повернула головы, может, действительно спала так крепко, что удары в дверь, которую уже явно пинали ногой, не смогли ее разбудить. Отбросив простыню, Саша осторожно сел, стараясь не шевелить головой, которая сильно болела. Медленно натянул джинсы... На футболку только взглянул и решил не рисковать: вдруг потеряет сознание, когда глаза окажутся закрыты тканью. Эта мысль даже не показалась ему глупой...

До двери Саша еле доковылял – суставы ломило так, будто он заболел гриппом. Особым преувеличением это не было, он чувствовал себя совершенно больным. Того, кто стоял за дверью, Саша уже ненавидел больше, чем кого бы то ни было... Пока не открыл ее.

– Тренер?

Ему вдруг по-детски захотелось спрятаться за темное пальто, висевшее в крошечном общежитском «предбаннике», как называла его Тина. Спрятаться не от тренера – от стыда...

Не дожидаясь приглашения, Егор Степанович шагнул в комнату, громко потянул носом, и глаза его налились кровью.

– Ты чем тут занимаешься, черт бы тебя побрал?! А? – прошипел он и хотел было схватить его за грудки, но Сашка оказался без майки, рука скользнула мимо. – Завтра у нас финал, а ты дезертируешь с поля боя?

– Тренер, мы же не на войне, – пробормотал Саша, пряча глаза.

– За тобой команда.

– Я же не капитан...

– Ты – больше, чем капитан! Ты – защитник.

«Это я уже слышал сегодня», – хотел сказать Саша, но усомнился: вдруг это было вчера или несколько дней назад? Как давно он блуждает во времени?

– Ты – лидер, Борисов. Ребята любят тебя. Что смотришь? Можно подумать, он этого не знал! Без тебя можно и не выходить на поле... Целый год работы всей команды – коту под хвост!

– Егор Степанович, вы же сами твердили, что перед игрой нужно переключаться на другое... Не думать о ней. Вот я и...

Впившись в его голые локти, тренер сдавил их так, что Саша сморщился от боли:

– Шутить изволите?! А ну, быстро оделся и за мной!

– Что вы делаете в моей комнате? – раздался голос Тины.

Вжавшись в стену, Саша пробормотал:

– Тина, это мой тренер – Егор Степанович. Он пришел за мной.

– И ты намерен отправиться с ним?

– Именно. Именно это он сейчас и делает.

– Я не вас спрашиваю. Саша, ты уходишь с ним?

Он виновато пробормотал, уже понимая, что при любом исходе становится предателем:

– Завтра финальная игра. Я не могу подвести команду...

– Ты предпочтешь подвести меня?

– Я же вернусь...

В ее взгляде он прочел: «Кому ты будешь нужен, когда вернешься?» И Саша уже готов был взмолиться, обратившись к тренеру, чтобы отпустил его, оставил с этой невероятной девушкой, сводившей его с ума, ведь это было единственное, чего он сейчас хотел.

Но Тина опередила его, улыбнувшись так, что он обмер:

– Хорошо. Игра так игра. Надеюсь, она стоит свеч. Но я иду завтра с тобой.

Егор Степанович настоял, чтобы ночь перед матчем Саша провел дома. И он проспал двенадцать часов кряду, пока Илья, которому тренер дал жесткую установку, не растолкал его.

– Только не воображай, что я вечно буду этим заниматься, – пробурчал он, протянув большую чашку кофе.

Саша только кивнул – способность говорить еще не вернулась к нему. Но крепкий кофе прояснил его мысли. С каждым глотком он и чувствовал себя, и соображал все лучше.

– Я твой должник...

– Ты даже не представляешь насколько, – зловещим тоном протянул Илья и забрал у него пустую чашку. – Я сказал преподу, что ты свалился с температурой – вот и не явился на экзамен.

– Илюха...

– Ну да, да! Я – твой ангел-хранитель. Не забудь об этом, когда будешь получать Нобелевку.

– О да...

– Что – да? Ты, черт возьми, самый талантливый изо всех, кого я знаю! – внезапно взвился Илья. – Что ты делаешь с собой? Ну да, она – красавица, не спору. Но, Сашка, она же убивает тебя!

«Это правда», – отстраненно подумал Саша. Но сопротивляться у него не было ни сил, ни желания.

...Во втором тайме, когда им пробивали штрафной, Саша вдруг заметил красное платье Тины возле банки⁷. Отвлекся он лишь на секунду, но этого хватило, чтобы в защите образовалась брешь.

В вопле студенческого стадиона смешались отчаяние и радость.

– Борисов, ну ты привез⁸ так привез! Спасибо! – проорал за его спиной Ваня, вытащивший мяч из сетки.

Не услышав этого, Саша проследил, как Тина садится рядом с Прохором Ковалевым, которого удалили в начале игры на глазах у отца-ректора. Из-за Саши, конечно... Прохор злился на него, а сорвался на противнике. Борисов при всей команде послал его перед матчем, чтобы не лез с наставлениями. Хотя, если разобраться, капитан имел право...

У Саши мелко затрясся подбородок: «Зачем я рассказал ей о нашем противостоянии? Как она сказала? «Игра так игра». Тина сама вступила в игру... А я-то, дурак, не понял, о чем она!»

– Офсайд!

Кто-то пихнул его в бок:

– Борисов, проснись, наконец!

– Уже наелся⁹, что ли?

Тренер тоже что-то кричал ему, но слов Саша не понимал. Он и не видел ничего вокруг, кроме Тины: голова запрокинута, смуглая шея плавно изогнута, грудь подрагивает... Она смеялась над тем, что нашептывал ей Прохор. И хотя ее смех заглушил рев стадиона, Саша знал его слишком хорошо, чтобы не слышать.

Когда эти двое встали и двинулись к выходу, он забыл, где находится. В ушах зашумело, и трибуны внезапно заалели розами¹⁰. Его любовь похищали у него на глазах, мог ли Саша оставаться в стороне? Даже если б Тина уходила не с этим чертовым Прохором, он все равно бросился бы следом. Отнял бы у любого. Но именно рука его главного противника по-хозяйски опустилась на ее точеное плечо.

– А ну вернись в игру! – Перед ним возникло лицо тренера, но Саша даже не сообразил, кто пытается остановить его.

Отмел живую преграду одним жестом. Выросли другие, все старались удержать Сашу, помешать ему вернуть свое счастье. И он дрался за свое право на любовь со всей яростью, на какую способен двадцатилетний человек...

Когда с окровавленными руками и разбитым лицом он догнал Прохора, Тина сразу отскочила в сторону. Зачем? Разве Саша тронул бы ее? Она предпочла не проверять его рыцарские качества... А Прохор остался на месте, чтобы принять бой. Или просто не успел увернуться?

⁷ Банка – скамейка запасных (футбольный сленг).

⁸ Привозить – совершать ошибки, которые приводят к голу (футбольный сленг).

⁹ Наестся – устать (футбольный сленг).

¹⁰ Розы – фанатские шарфы (футбольный сленг).

Что-то хрустнуло под Сашиным кулаком... Звука он не расслышал, а брызнувшая кровь мгновенно смешалась с его собственной. В своей ненависти эти двое слились, как в любви, стали единым существом – рычащим чудовищем, распугавшим окружающих.

Но ребятам из их команды потребовалась всего минута, чтобы прийти в себя. Подскочили с двух сторон, растащили дерущихся, попытались усадить Сашу на скамью, но он вырвался и бросился бежать – не от наказания, конечно, ему хотелось укрыться от боли, разрывающей душу.

И уже не видел того, как Прохор рухнул на траву, а подбежавший к сыну ректор упал на колени. И поклялся, что Борисов завтра вылетит из его вуза с «волчьим билетом»...

Не переодевшись, Саша прямо в футбольной форме выскочил на улицу и заметался, пытаясь понять, куда теперь бежать. Мелькнула мысль о матери, но до родительского дома еще нужно было доехать, а у него не было с собой ни денег, ни карты.

Нужно найти Илью! На футбол его друг не пришел, это Саша знал точно: сессия для него была временем неприкосновенным. Странно, что вообще финальный матч назначили на июнь...

До Бибирева можно было добраться и пешком, и Саша уже приготовился поступить именно так, когда на другой стороне улицы заметил девушку из своей группы. Хотел окликнуть ее, но в гудящей голове затерялось имя. И когда вспомнить не удалось, Саша просто бросился за ней следом, чтобы занять немного на проезд. Если даст, лучше было бы взять такси...

Больше он не успел ничего подумать – мощный удар сбил его с ног. Мысль о такси материализовалась. Того, как он перелетел через встречный автомобиль и распластался на асфальте, Саша уже не запомнил...

* * *

В то Рождество случилось маленькое чудо...

На время каникул родители увезли десятилетнего Сашу за город, на дачу, хотя тренировки не прекращались, и мальчик бурно протестовал. Ему было страшно потерять форму, что-то упустить, отстать от других...

Но мама шепнула:

– Папа очень соскучился по тебе... Ему хочется походить с тобой на лыжах, слепить снеговика. Ты же пойдешь ему навстречу?

И Сашка сдался. Обижать отца ему не хотелось, пусть будут и снеговик, и лыжи... Это же все действительно здорово! Хоть он и большой для таких развлечений, – особенно для того, чтобы лепить снежного человечка! – но никто же из одноклассников не узнает...

Уже следующим утром они втроем выскочили из дома, и, как в каком-нибудь клипе, начали бросаться снежками. Вроде ничего забавного и не было, когда снег сыпался за шиворот или прилетал в лицо, но они почему-то хохотали как ненормальные.

А потом нашли нетронутое снежное поле и, взявшись за руки, по папиной команде опрокинулись навзничь и долго смотрели, как мягкие, зеленые верхушки сосен поглаживают голубое небо. Саша до сих пор помнил те незнакомые до этого дня ощущения смирения и восторга, которые каким-то образом уживались в душе.

Мальчик даже не особенно удивился, когда мама вдруг заплакала и убежала в дом. А отец предложил:

– Санька, а давай сходим в церковь?

Он произнес это таким тоном, будто говорил о самом обычном деле и ходить в храм было для них в порядке вещей. Сашка молча кивнул. Не стал спрашивать, что вдруг изменилось, ведь отец всегда называл себя убежденным атеистом. В их доме не заводили разговоров о Боге

и не читали молитв – ни перед едой, ни на ночь. Отец был ученым, хоть и не высокого полета, но все же, и религии не признавал. Никто даже не сказал Саше, что в этот день отмечается Рождество.

И все равно все было особенным тогда... Настолько, что Саша даже не стал спрашивать, почему плачет мама, ведь у него и самого щипало в носу от тех самых чувств – смирения и восторга.

Хорошенько отряхнувшись от снега, они серьезно посмотрели друг другу в глаза, точно готовились к многотрудному походу, хотя небольшая деревенская церковь была видна издали – за полем, по которому вилась узкая тропка. Сашка пошел за отцом, пытаясь попадать в его следы. Было совершенно непонятно, как успели тучи затянуть все небо, пока они чистились от снега? Ведь только что солнечное небо улыбалось им сквозь сосновую хвою...

А сейчас ветер толчками подгонял их в спину, и отец крикнул, обернувшись:

– Назад придется идти ему навстречу, будь готов!

И рассмеялся, потому что это прозвучало пионерским призывом. Сашка, правда, не понял причины смеха, пионером он уже не был.

«Навстречу – это противно, – подумал мальчик и представил, как придется закутаться в шарф, сейчас спрятанный под пуховиком. – А вдруг еще что-нибудь изменится?»

В храме оказалось почти пусто – только что завершилась утренняя Божественная литургия. Бесшумные служительницы в косынках гасили свечи, чему все вдруг воспротивилось в Сашиной душе: «Люди же их специально зажгли! Зачем сразу тушить?!»

Словно не замечая того, что происходит, отец купил две тоненьких свечи и одну протянул Саше.

– А как надо молиться? Я не знаю, – мальчик встревожился, крутя свечку в озябших пальцах, но отец улыбнулся:

– Ты можешь произносить про себя то, что считаешь нужным. Бог все услышит и поймет. Надеюсь... Проси о самом главном.

Сашка замер:

– А что самое главное?

– Жизнь, – просто и очень серьезно ответил отец. – Разве нет?

«Жизнь, – повторил мальчик про себя. – Я очень хочу, чтобы мама с папой жили долго-долго! Ну, и я тоже...»

Он не догадался, что надо опалить основание свечи, чтобы оно подтаяло и надежней закрепилось в подсвечнике. Без этого она качалась, и Сашка боялся, что свечка упадет на пол. Потом подглядел, как делает папа, и установил ее заново. Теперь свеча стояла ровно, а огонек ее трогательно подрагивал.

«Долго-долго», – настойчиво повторил Саша, не спуская глаз с теплого свечения. Потом спохватился, перевел взгляд на икону и на несколько секунд перестал дышать. На него смотрели такие глаза, каких мальчик никогда не видел. В них была печаль понимания... Казалось, эти глаза видели все, что случится с Сашей в жизни.

Он хотел было спросить папу: «Почему Бог жалеет меня?» Но не решился: может, все лишь показалось ему, а отец ничего такого не заметит... Скосив глаза на папу, Сашка нахмурился. Ему показалось, будто на нижних ресницах его зависла слеза. Но разве мужчины плачут?

Когда они вышли из храма, оба так и замерли на крыльце. Над полем и бором вдали, где пряталась их дачка, сияло самое синее небо, какое только можно представить. И солнце сразу согрело лица отца и сына, поднятые кверху.

– Вот оно! – вырвалось у папы непонятное, но задавать вопросы Саша не стал.

Просто решил, что случилось чудо. Настоящее и очень красивое. Оно тепло сияло в маленьких ямках, образовавшихся в сугробах по всему полю, и почему-то хотелось смеяться,

глядя на эти следы от копыт сказочного коня, привозившего в больших санях Деда Мороза. Под елочкой Сашка нашел огромный набор «Лего», о котором написал волшебнику уже в последний день года, и прыгал от радости, что письмо успело дойти... Никто ведь не знал, как ему хочется именно такой конструктор, который они с папой увидели на витрине магазина. Клянчить он себе не позволял...

...Только через несколько лет Саша узнал: той самой зимой, как раз перед Новым годом, у отца обнаружили опухоль. Но биопсия, проведенная после Рождества, показала, что новообразование доброкачественное.

* * *

По белому больничному потолку медленно проползали узкие параллелограммы света. Они двигались друг за другом и навстречу, исчезая в углу, но не пересекались. Это зрелище завораживало...

«От фар», – первая мысль, пришедшая Саше в голову после недельной искусственной комы, в которую его погрузили после операции.

Семь дней он блуждал в мире теней, пугавших отсутствием лиц. Заговорить с ними не удавалось, они зловеще колыхались в тишине.

Очнулся он вечером, когда никого не оказалось рядом, и долго лежал, не решаясь шевельнуться, не понимая, как оказался в больнице – запах уловил сразу. Через несколько минут в палату заглянула медсестра, обрадовалась, встретив его осмысленный взгляд, и снова исчезла.

Зато прибежали родители, выходявшие выпить кофе, и мир сразу обрел четкие, уверенные контуры. Правда, мама опять заплакала – второй раз на его памяти, но быстро взяла себя в руки, высморкалась в салфетку.

– Вот и славно, – бормотала она. – Теперь все будет хорошо. Ты скоро поправишься...

– Он понимает нас? – шепнул отец с опаской.

– Понимаю.

Саше показалось, будто он ответил громко, и его удивило, что мама наклонилась к самому его лицу:

– Что, сыночек?

– Почему я в больнице?

– Тебя сбила машина. Не помнишь? У тебя черепно-мозговая травма... Тебе сделали операцию. Но все будет хорошо! Правда, Антоша?

«Я – Саша», – почему-то до него не сразу дошло, что она обращается к отцу.

Тот осторожно сжал руку сына:

– Мы тебя вытянем, Санька. Дома и стены вылечат.

– Домой еще рано, – встрепенулась мама. – Дней десять, как минимум, придется полежать. Пройти курс реабилитации. Потерпишь? Дома продолжим.

Выдавливая по слову, он все же сумел перебить:

– Ноги... целы?

– Да! – воскликнула она и победно взмахнула кулаком.

Как ни стыдно было признаться даже себе самой, ее порадовало, что первым делом сын подумал о футболе, а не о науке. Хотя опасения врачей касались как раз этого, все-таки черепно-мозговая травма – не шутка...

Чтобы не выдать подспудного торжества, Светлана Александровна погрозила пальцем, как маленькому:

– Только пока нечего и думать об игре. На поле ты выйдешь не скоро, нужно хорошенько подлечиться.

– Но выйду?

– Конечно!

«Это главное», – Саша с облегчением закрыл глаза.

Но тут же накатила новая тревога. Мама говорила что-то еще, а Саше хотелось услышать только одно: приходила ли к нему Тина? Родители не догадывались о ее существовании, и, если б она даже появилась в больнице, вряд ли придали бы этому особое значение. Какая-то девушка...

И все же он выдавил:

– Кто-нибудь приходил?

– Твой тренер, – отозвался отец.

Лицо обожгло стыдом. Не проклял? Пришел...

– Егор Степанович очень обрадовался, что врачи дают благоприятные прогнозы, – зачистила мама. – Надеется на твое возвращение в команду.

– Но лучше этого не делать.

Она взглянула на мужа через плечо, и хотя Саша не видел ее глаз в этот момент, но знал, как мама может пронзить взглядом.

– Теперь ему нужно особенно беречь голову, она – его хлеб в будущем, а не ноги, – парировал Антон Вадимович, хотя жена не произнесла ни слова.

Саше показалось, будто они продолжают давний спор. Вмешиваться не стал, попросил телефон. Но выяснилось, что никто не заряжал его целую неделю – просто не вспомнили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.